

«Уголь Золотая Нить» — под таким названием в уезде Пинцин был известен крупный торговый караван. Своё поэтичное имя он получил за особый товар: когда этот уголь томили в закрытой печи, на чёрных брусках проступала тонкая, тлеющая алым прожилка, напоминавшая шёлковую нить.

В префектуре Нанькан этот караван числился среди самых влиятельных. Пожилой лавочник Сунь, державший дело, славился радушием и покладистым нравом — из тех купцов, что ради прибыли готовы уступить в малом. Но за глаза шептались, что его доходы окружены какой-то тайной.

Впрочем, тайна была грошовой. Купец попросту втихаря воровал вязкую глину с земель уезда Шаоюань.

По законам Великой Чжоу добыча некоторых полезных ископаемых облагалась особым налогом. Эти сборы шли в казну провинциальных властей, чтобы те могли быстро ликвидировать последствия стихийных бедствий, не дожидаясь запоздалых выплат из столицы.

Месторождения глины относились именно к такой категории. Любое частное лицо, пожелавшее заняться добычей или взять участок в откуп, обязано было зарегистрироваться в налоговой палате, уплатить пошлину и направить прошение руководству провинции. Это гарантировало, что при ежегодной сверке налоговых поступлений не обнаружится недостачи.

Лавочник же Сунь, заправлявший караваном «Золотая Нить», тайно вывозил сырьё из Шаоюаня, выдавая его за официально купленную глину. Таким образом он не только уходил от налогов, но и прикарманивал добрую половину серебра, выделенного хозяевами дела на закупки!

Узнав о том, что в Шаоюане начали официально осваивать это месторождение, лавочник Сунь не на шутку перепугался, разозлился и тут же призвал к себе доверенного счетовода для тайного совета.

— Сюй Шэн, новый уездный судья Шаоюаня твёрдо намерен начать там открытые работы. Как быть нам? А что сказать хозяину?.. — Лавочник понизил голос до едва различимого шёпота и указал пальцем сначала в сторону соседнего уезда, а затем — вверх, намекая на истинных владельцев каравана.

Отказаться от стабильного дохода, годами тесно набивавшего его кошелёк, старик не мог. Но и связываться с властями Шаоюаня смертельно боялся. Четыре влиятельных местных семейства до сих пор томились в уездной тюрьме. Если уж такие столпы общества не сумели вырваться из кандалов нового уездного судьи, то что говорить о беззащитном лавочнике и его счетоводе?

Рука счетовода Сюя, поглаживавшая жидкую козлиную бородку, дрогнула, и он нечаянно вырвал пару волосков.

— Управляющий, раз уж дело приняло такой оборот, не лучше ли нам временно затаиться? Переждём, посмотрим, что дальше предпримет уездный судья Шаоюаня.

Лицо лавочника Суня исказилось от досады, углубив и без того горькие морщины.

— Да неужто я сам не понимаю, что надо переждать! Но у нас горит срочный заказ, караван вот-вот должен двинуться в путь, а покупатели требуют товар немедленно!

Глина требовалась для обмазки угольных печей: проливные дожди каждый год размывали часть кладки, и её приходилось полностью обновлять перед сезоном. В этом году заказов набрали больше обычного, сроки поджимали, и печи нужно было готовить к работе прямо сейчас.

Счетовод Сюй заметно побледнел. Деньги, отпущенные на покупку сырья, давно осели в их карманах, и вернуть их было невозможно. К тому же сейчас все караваны уезда разом бросились скупать глину у легальных поставщиков. Даже если бы они принесли серебро прямо сейчас, их очередь подошла бы лишь месяца через два. К тому времени другие уже уедут торговать готовым углём, а караван «Золотая Нить» так и останется сидеть у пустых печей.

Счетовод решительно стиснул зубы.

— Сейчас главное не серебро, а сама глина! У нашего грузчика брат работает на шаоюаньском прииске. Нужно не поспустить на взятку, пусть договорится со своими и тайно отсыплет нам хотя бы половину от нужного объёма.

Лавочник Сунь изнывал от тревоги, но иного способа раздобыть сырьё у него не было. Единственное богатое месторождение в округе находилось в Шаоюане, совсем рядом с границей уезда Пинцин. Местные мастера исходили все окрестности в надежде найти залежи на собственной земле, но тщетно — иначе им не пришлось бы сейчас так метаться.

— Попробуй, — выдохнул Сунь. — Другого пути всё равно нет. В горах углежоги рвут и мечут, им срочно нужно латать печи. Вынь да положи им эту глину.

Тем же вечером счетовод Сюй разыскал нужного работника. После щедрых обещаний и недолгого разговора по душам заговорщики вышли на Тянь Хао.

Дальнейшее было делом техники: Тянь Хао вместе с сообщниками начал просеивать глину, разбавлять её обычной землёй и тайно вывозить излишки за пределы уезда. Однако воровство продолжалось недолго. Уже через несколько дней Цзян Умянь почуял неладное, провёл быструю проверку и упрятал всю шайку за решётку.

Цзян Умянь только молча покачал головой.

«Если у них водились средства на щедрые взятки, почему было просто не переплатить за легальную глину?»

Но для торговцев это были совершенно разные вещи.

Потратиться на подкуп мелкого работяги и официально купить дефицитное сырьё по завышенным ценам — траты несопоставимые. В первом случае мелкие расходы приносили троекратную выгоду, во втором — приходилось выкладывать вдесятеро больше ради обычной нормы товара. Разница выходила колоссальной.

Конечно, чем меньше вкладываешь, тем выше риски. И теперь, когда их поймали за руку, все гипотетические опасности обернулись для расчётливых дельцов вполне реальным тюремным сроком.

Оформив показания и заставив арестантов поставить отпечатки пальцев под признанием, стража увела их обратно в камеры.

Цзян Умянь задумался. Дело так или иначе затрагивало уездного судью Пинцина, а значит, требовало вмешательства префекта. Однако условия, которые он выдвинул столице, пока оставались без ответа. Следовало подождать ещё пару дней.

Если префекта сменят, дело можно будет на время припрятать под сукно и дожидаться приезда достопочтенного учителя. Если же император отвергнет его условия, придётся передать расследование генералу Сюэ Вэню. В любом случае, ни нынешний префект, ни соседний уездный судья Пинцина до этих бумаг добраться не должны.

На этом его собственное участие в расследовании временно завершилось, и Цзян Умянь вновь переключил внимание на торговые караваны.

Появление каравана под предводительством Ху Чжэна наделало в Шаюане немало шума. Привезённые ими столичные ткани уступали в изяществе местным шёлкам Линнаня, но новые столичные узоры мгновенно породили среди местных жителей повальное увлечение. Сам Ху Чжэн тоже остался доволен закупками. Пусть ему и не удалось прийти к полному согласию с уездным судьёй Цзяном, программа-минимум была выполнена, а к остальным вопросам они вернутся, когда он воротится из земель коренных племён.

Прознав о планах Ху Чжэна, Цзян Умянь задумался и снова пригласил купца на обед. За столом он ненавязчиво завёл разговор о деле:

— Не желает ли караван семьи Ху открыть в нашем уезде постоянную лавку? Положение дел в Шаюане вам известно, большинство торговых рядов сейчас пустует. Если ваша семья решит приобрести недвижимость, я позволю вам первыми выбрать лучшее место.

Ху Чжэн опешил. У семьи Ху уже был собственный трактир в уезде Пинцин, который вполне заменял им опорный пункт, пусть там в основном и торговали едой, не касаясь других товаров. Уезды Шаоюань и Пинцин находились совсем близко друг от друга, и открывать ещё одну лавку казалось неоправданной роскошью.

— Речь не о трактире, — успокоил его Цзян Умянь, обеда взглядом комнату.

Они сидели в Павильоне Пьяной Зари. С рецептами, которые судья лично предоставил заведению, тягаться с этим местом всё равно никто бы не смог.

— Я предлагаю открыть полноценное торговое представительство — лавку или просторный склад. Там вы могли бы круглый год скупать местные товары и дикоросы у жителей Шаоюаня и горных деревень. Тогда вашим людям не придётся каждый раз пускаться в долгий и опасный путь в глубь лесов. Даже если караван задержится в дороге, постоянная лавка продолжит принимать товар у населения без простоев.

Крупные купеческие дома вроде семьи Ху неохотно открывали постоянные лавки в отдалённых провинциях: хлопот много, а пользы мало. Линнань лежал у чёрта на куличках; пока из столицы дойдут важные вести, на месте всё уже трижды успеет решиться. К тому же край был отчаянно беден. Расходы на содержание лавки вряд ли бы окупились, а покрывать убытки из семейной казны никто не спешил. Тратить силы, время и серебро ради сомнительной выгоды казалось чистейшим безумием.

Ху Чжэн колебался. Предложение уездного судьи Цзяна ставило его в неловкое положение: соглашаться не хотелось, но и портить отношения с властями, от которых зависели его дальнейшие планы, было неразумно.

— Это всего лишь дружеский совет, не стоит переживать, — непринуждённо улыбнулся Цзян Умянь, переводя разговор в другое русло. — Караван вашей семьи много лет ведёт дела с горцами. Я же, признаться, знаю об их жизни до обидного мало. Не поделитесь ли вы своими наблюдениями, уважаемый проводник Ху?

На самом деле предложение открыть лавку было лишь предлогом. Куда больше судью интересовали люди, населявшие окрестные хребты. Говорили, что в горах Линнаня обитают сотни племён. Разумеется, на территории одного лишь уезда Шаоюань столько народу поместиться не могло, однако в самом городе горцы почти не показывались. В уездных хрониках сведения о них были скудными, а верить местным легендам и слухам Цзян Умянь не привык. Ему требовались надёжные сведения от человека, который общался с ними лично.

Ху Чжэн мысленно перевёл дух, поняв, куда клонит собеседник. Поведать уездному судье о быте и обычаях лесных племён было совсем не трудно — в этих сведениях не крылось никаких купеческих тайн. В этот момент слуга от управляющего Лу принёс исходящее паром блюдо — свиные рёбрышки в кисло-сладком соусе. Под манящий, щекочущий ноздри аромат беседа потекла куда оживлённее.

Сытно пообедав, они распрощались. Однако на следующее утро судьба снова свела их у городских ворот.

— Проводник Ху? — окликнул его Цзян Умянь, заметив гружёные повозки, тянущиеся к выходу из города.

Судя по всему, караван собирался в путь.

— Господин уездный судья? Вы тоже покидаете город? — Ху Чжэн вместе с племянником Ху Чэнем разом обернулись на голос.

Судья Цзян стоял неподалёку в простом дорожном платье. Рядом с ним переминались с ноги на ногу двое мужчин в даосских одеяниях. Коней при них не было, и со стороны казалось, будто чиновник явился лично проводить караван. Ху Чжэн невольно удивился: их отношения едва ли можно было назвать настолько близкими.

В это время молодой Ху Чэнь во все глаза разглядывал человека, из-за которого их семье пришлось тащиться за тысячи ли в эту глушь. Как и полагалось победителю императорских экзаменов, Цзян Умянь обладал выдающейся внешностью. О его выдающемся уме юноша судить не мог, но благородная осанка судьи действительно соответствовала званию лучшего учёного страны.

В отличие от большинства чиновников, веявших показной важностью или книжной премудростью, этот человек держался необычайно прямо. Его угольно-чёрные глаза смотрели холодно и пристально, напоминая укрытый в ножнах клинок, от которого исходил едва осязаемый мороз. Стоило Ху Чэню случайно встретиться с ним взглядом, как сердце его испуганно замерло, а затем пустилось вскачь.

— У меня сегодня дела за пределами городских стен. Доброго вам пути, — кивнул на прощание Цзян Умянь и зашагал вперёд.

Следом за ним торопливо засеменили советник Линь и даос Цзинь.

Ху Чжэн проводил их недоумевающим взглядом, силясь понять, что за дела могли быть у судьи за городом. Но стоило каравану миновать ворота, как всё прояснилось.

Цзян Умянь вместе со своими спутниками подошёл к большой группе людей. Мужчины с обнажёнными торсами и подвёрнутыми штанинами усердно трудились у края тракта. Из-за поднявшейся пыли сложно было разобрать детали, но суть их работы угадывалась без труда.

«Дорогу строят?»

Так вот о каких делах говорил уездный судья Цзян!

Ремонт дорог действительно был первоочередной задачей для Цзян Умяня. Сегодня он лично привёл на место двух знатоков своего дела для общего руководства. Обжиг цемента ещё не завершился, так что залить весь уездный тракт новым покрытием они пока не могли, но сделать пробный участок в три ли было вполне по силам.

Даос Цзинь полностью растерял свой благообразный вид отшельника. Он усердно размахивал руками, объясняя рабочим тонкости замеса:

— Кто хоть раз пёк пампушки, знает: чтобы получилось тесто, воду и муку нужно вымесить как следует! С цементом ровно то же самое: сыпь порошок в воду и мешай, пока серый раствор не станет гладким, точно сметана!

Несколько человек принесли на коромыслах свежую воду. Тёмно-серый порошок засыпали в деревянные кадки и принялись усердно вымешивать деревянными вёслами. Тем временем на тракте рабочие уже всю готовили основание: рыли неглубокую траншею, засыпали её щебнем и песком, после чего заливали жидким раствором. Следом шли мастера со скребками, разравнивая поверхность. Стоило смеси немного схватиться, как её слегка сбрызгивали водой.

— Между плитами обязательно оставляйте зазор шириной в ладонь! — зычно покрикивал даос Цзинь. — Пусть лучше щель выйдет шире, чем уже! Широкую всегда можно заделать, а вот если плиты сомкнутся, при расширении всё потрескается, придётся ломать и заливать заново! Только зря добро переведём!

Поначалу рабочие никак не могли приноровиться и отмерить нужную ширину на глаз. Тогда советник Линь подобрал ровную ветку, обрезал её под нужный размер и вручил бригадиру, чтобы тот использовал её как мерку при подготовке траншеи.

— Сколько обычно уходит времени на починку такого участка дороги? — поинтересовался Цзян Умянь у советника Линя, наблюдая за спорой работой.

Линь Шоуюань лишь растерянно развёл руками. Прежде он долгое время числился даосом и, как лицо духовного звания, освобождался от государственной барщины. По той же причине не знал ответа и даос Цзинь. Сам Цзян Умянь в своё время тоже избежал принудительных работ благодаря званию ученого первой степени.

В итоге ни один из троих не имел ни малейшего представления о реальных сроках дорожного строительства.

Случайно услышавший этот разговор Ху Чжэн только безмолвно покачал головой.

«Они что, и вправду строят дорогу прямо сейчас?!»